

К. И. ШНЕЙДЕР

ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНЫЕ ДИСКУРСЫ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ФРАНЦИИ XIX ВЕКА

В статье анализируется содержание монографии С.Р. Матвеева, посвященной истории формирования французского либерального консерватизма, одним из основателей которого является Ф. Гизо. Предпринята попытка провести аналогии между аксиологией французского либерального консерватизма (либерализма) и базовыми идеями российской раннелиберальной концепции середины XIX века.

Ключевые слова: *Ф. Гизо, либерализм, либеральный консерватизм, свобода, Франция, цивилизация, средний класс, интеллектуальная история*

Во второй половине XX в. развитие гуманитарных наук детерминировалось «методологической революцией», радикально изменившей академические представления и подходы к изучению социума. Эта волна «накрыла» и интеллектуальную историю, предоставив ей шанс существенно расширить собственное исследовательское пространство не только за счет традиционной истории философии, но и социологии, политологии, культурной истории, «персональной истории», «новой» политической истории и т.д. Новые веяния были закреплены трендом на актуализацию междисциплинарного диалога, предельный методологический плюрализм и толерантное отношение к конкурирующим научным конструкциям. В итоге современная интеллектуальная история претендует не только на выявление достижений человеческого разума, но и на изучение культурной среды, коммуникационных и институциональных особенностей самого поля производства интеллектуальной продукции. Именно этот жанр выбрал С.Р. Матвеев в своей монографии, обращенной к изучению идейного наследия одного из классиков французского либерализма Ф. Гизо¹. Знакомство с исследованием Сергея Рафисовича порождает у читателя (в частности, у меня) стремление начать серьезный диалог с автором по фундаментальным проблемам истории либерализма, отвлекаясь от тех частных упреков, которыми зачастую грешат рецензенты в своих текстах. Поэтому попробуем хвалить и критиковать его, что называется, «по делу и всерьез».

Уже структура работы наглядно демонстрирует приверженность С.Р. Матвеева современным методологическим новациям, где историко-культурному фону, внутренним и внешним коммуникационным связям отводится значительная, а порой и определяющая роль. Автор опирается на действительно солидный источниковый фундамент и широкую историографическую традицию по заявленной теме, представленную сразу на нескольких иностранных языках, что позволяет осуществить ценный

¹ Матвеев 2019.

и содержательный «компаративистский маневр» в первом разделе книги. Здесь же интересно и убедительно автор монографии реактуализирует разнообразную (политическую, интеллектуальную, исследовательскую) значимость фигуры своего главного героя, доказывая недостаточный интерес к нему как современников, так и потомков. К числу определенных новаций следует отнести идею целостного восприятия личности Ф. Гизо, без выстраивания искусственных границ в интеллектуальной биографии одного из отцов-основателей французского либерализма. Автор приходит к такому выводу на основе детального анализа имеющейся биографической и историографической традиции по теме, что, в конечном счете, помогает переформатировать традиционные подходы к нормативной периодизации биографического материала.

Еще одно очевидное достоинство исследования – глубокое погружение в исторический контекст эпохи. Гизо помещен в бурлящий водоворот событий Французской революции, Реставрации и Июльской монархии, сквозь призму которых автор методом «включенного наблюдения» внимательно следит за жизненными событиями и карьерными перипетиями великого историка и политического деятеля Франции первой половины XIX века. И при этом рисует детализированную картину политической истории периода Реставрации и Июльской монархии, нюансирует поведение ключевых акторов в процессе образования ими разнообразных временных альянсов и союзов, повлекшим за собой, в том числе, изменение их идейного статуса.

С.Р. Матвеев совершает краткий философский экскурс в историю формирования либеральных и консервативных аксиологий, определяет базовый и вариативный уровень восприятия соответствующих нормативных идеологических установок вообще и в посленаполеоновской Франции, в частности. Это помогает конструировать интеллектуальный ландшафт, в котором через анализ конкретных воззрений того или иного персонажа удается создать контур «сетевое» взаимодействия между лидерами, «значимыми другими» и периферийными агентами в поле производства идей. В очередной раз (уже не впервые в историографии) хотелось бы согласиться с мнением автора о близости либерального и консервативного идеологического арсенала, постоянном пересечении и наложении друг на друга этих пространств «духовного производства». Данное положение иллюстрируется примерами не только из интеллектуальной истории Франции первой половины XIX в., но и сюжетами из российской политической мысли в тот же период. В частности, для либерального феномена западничества характерно активное заимствование консервативной аксиологии, что впоследствии было творчески воспринято ранними русскими либералами. Поэтому общие рассуждения о «классическом» либерализме неизбежно сталкиваются с особенностями бытования соответствующей политической и интеллектуальной среды на микроуровне. Любой национальный либеральный вариант всегда будет отличаться от сконструированного канонического образа и это –

отнодь не повод лишать кого-либо «либерального иммунитета», а импульс к скрупулезному изучению явления под микроскопом, в его исторических формах существования.

Заслуживают внимания теоретические конструкции, рекрутированные автором для получения оригинальных интерпретационных результатов. «Сетевая» концепция Р. Коллинза и теория «понятий» Р. Коцеллека не просто декларированы, но и реально используются С.Р. Матвеевым при вербализации большого массива фактологического материала. Ему удается выявить идейные привязанности и содержательные коммуникационные связи между ключевыми фигурами, включенными в процесс культурного производства и обмена, а также определить понятийные границы в либеральном дискурсе. Привлекая широкий круг источников и литературы, автор успешно выстраивает «сетевые» практики в интеллектуальном пространстве постнаполеоновской Франции, где, по его мнению, доминирующее положение занимал политический, а не культурно-интеллектуальный контекст (Галейран vs Шатобриан).

Раздел, посвященный истории формирования политической теории Ф. Гизо, содержит биографические сведения, которые существенно облегчают изучение проблемы его социализации. Его семейная трагедия на фоне мировых событий, вынужденная мобильность, круг читаемой литературы, особенности образовательной траектории, карьерная история традиционно являются объектом пристального академического интереса для выяснения влияния на мировоззрение и политическую карьеру ведущего теоретика «орлеанизма», одного из лидеров «доктринеров».

В третьей главе автор анализирует базовые историософские категории «свобода», «цивилизация», «провидение», «средний класс», «суверенитет», «деспотизм и анархия», пытаясь выявить их специфические для Гизо коннотации и смысловые образы. Важно отметить рецепцию идей Гизо в европейском интеллектуальном пространстве, в частности, на примере ранних русских либералов середины XIX в. Наиболее отчетливо это проявилось в рассуждениях Б.Н. Чичерина, автора концепции «охранительного либерализма», декларировавшего потребность соединения свободы человека и просвещенной власти, способной гарантировать социальную стабильность и общественный порядок². Кроме того, европоцентризм исторической теории Гизо, его апелляция к высшим, непреложным законам истории, этатизм, апологетика естественного неравенства между людьми, резко отрицательное отношение к радикализму в любом его проявлении также имели горячий отклик в российской раннелиберальной среде. Подобные аналогии возникают при знакомстве с отдельными разделами третьей части монографии, в которых рассмотрены различные аспекты мировоззрения Гизо, начиная с основных понятий и заканчивая целостной картиной его мироощущения.

Одной из наиболее сложных и противоречивых в либеральном мировосприятии следует признать идею естественных и равных прав чело-

² Чичерин 1899.

века, так как ее реализация всегда требует разрешения конфликта между декларативной и практической частью без угрозы саморазрушения всего общественного организма. Каким образом можно обеспечить законное желание каждого индивида иметь собственность в условиях ее неизбежного отчуждения от большинства населения? Как примирить естественные и демократические по содержанию политические интенции малообеспеченной части общества, ориентированной на передел власти и богатства, с защитой интересов имущего и образованного меньшинства? Либерала, социализировавшегося на идеях эпохи Просвещения, свойственно испытывать как минимум интеллектуальный дискомфорт при размышлении о возможных социальных последствиях практического применения ценностей равенства и демократии даже в т.н. зрелых обществах со стабильной политической системой. Сложные и «неудобные» проблемы либерального мироощущения (например, разнообразные коннотации понятия «суверенитет») подробно представлены в книге.

Разговор «по делу и по существу» неизбежно порождает желание высказать некоторые критические замечания и обратить внимание на ряд, может быть, сомнительных умозаключений автора книги. В методологическом подходе, возможно, есть противоречие между ориентацией исследователя на репрезентацию (конструирование) материала, с одной стороны, и признанием некоей «объективной» картины событий, с другой. На мой взгляд историк, не имея непосредственной связи с прошлым (и не только поэтому), «обречен» на социальный «инжиниринг», сохраняя при этом верность актуальным конвенциональным правилам академической работы (поиск разнообразных исторических источников, знание историографии и т.д.).

Любой автор в процессе изучения той или иной проблемы, погружения в нюансы собранного материала, начинает постепенно «влюбляться» в своих главных героев, превращаясь, в конечном счете, в адвоката их интеллектуальной и практической деятельности. В случае с монографией С.Р. Матвеева не покидает ощущение избыточного масштабирования и актуализации темы в рамках историографической традиции исследования посленаполеоновской Франции. Размышляя о достижениях интеллектуалов данного периода, автор полагает, что они «примирили философский априоризм и присущее историческому подходу уважение к неустранимой сложности фактов, избежав конфликта несовместимости вневременных ценностей и исторических обстоятельств» (С. 37). Вряд ли в отношении Ф. Гизо, потерпевшего в финале политическое фиаско, можно с уверенностью говорить о столь впечатляющих успехах.

С.Р. Матвеев пытается типологизировать французский либеральный консерватизм (С. 7), располагая его между «левыми» (последователями Ж.-Ж. Руссо) и «правыми» (последователями Ж. де Местра и Л. Бональда), тогда как более корректным было бы говорить о типологии собственно либерализма или консерватизма. Если взгляды Гизо находятся в пространстве консервативной мысли, то тогда и классифициро-

вать их необходимо по отношению к другим течениям внутри консерватизма (аналогично и с либерализмом). В этой связи появляется проблема идентификации либерального консерватизма, имеющего практически невидимую границу с консервативным либерализмом (нередко эти интеллектуальные конструкции представляют собой жонглирование понятиями). Кроме того, на мой взгляд, продуктивным было бы использовать теорию социального поля П. Бурдьё³, позволяющую интерпретировать интеллектуальные споры и эволюцию взглядов героев в рамках борьбы за символический капитал аутентичного знания базовых концептов либерального консерватизма. Сомнительной выглядит также идея автора книги о том, что Гизо как историк предвосхитил «субъективистскую» революцию в методологии и опередил Р. Коллингвуда в актуализации личностного начала в истории (С. 215). Как это можно соотносить с представлением Гизо о доминировании законов исторического развития (т.е. Провидения) и подчинении им личности человека?

Несмотря на наличие других недостатков (повторы, слишком беглый анализ генезиса консерватизма, не всегда убедительная интерпретация результатов применения «сетевой» концепции Р. Коллинза), книга является удачным примером реактуализации, казалось бы, «хорошо известного прошлого», прекрасной рекламой интеллектуальной истории, классическим вариантом добросовестного академизма. Исследование С.Р. Матвеева, несомненно, получит заинтересованный отклик в профессиональной среде (а может быть и не только в ней).

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя. 2005. 576 с. [Burd'e P. Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki. M.: Institut eksperimental'noi sotsiologii. SPb.: Aleteiya. 2005]
- Матвеев С.Р. Свобода и порядок: либеральный консерватизм Франсуа Гизо. М.: Изд. дом ВШЭ. 2019. 232 с. [Matveev S.R. Svoboda i porjadok: liberal'nyi konservatism Fransa Gizo. M.: Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki. 2019.]
- Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М.: В тип. Грачева и комп. 1862. 265 с.; О народном представительстве. М.: Тип. тов-ва И.Д. Сытина. 1899. 810 с. [Chicherin B.N. Neskol'ko sovremennykh voprosov. M.: V tip. Gracheva i komp. 1862; O narodnom predstavitel'stve. M.: Tip. Tov-va I.D. Sutina. 1899.]

Шнейдер Константин Ильич, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории и археологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет; kshneyder@yahoo.com

Liberal conservative discourses in the intellectual history of France of the XIX c.

The article analyzes the contents of the monograph of S.R. Matveev, dedicated to the history of the formation of French liberal conservatism (liberalism), one of the founders of which was F. Guizot. An attempt is made to show comparative analogies between the axiology of French liberal conservatism (liberalism) and the basic ideas of the Russian early liberal concept of the mid-19th century.

Keywords: *F. Guizot, liberalism, liberal conservatism, freedom, France, civilization, middle class, intellectual history*

Konstantin Shneider, Dr. Sc. (History), Head of the Department of History and Archeology, Perm State University; kshneyder@yahoo.com

³ Бурдьё 2005.